

Из непроглядной зыби Персидского залива воровски скакнула Луна, стремительно метнулась ввысь, а затем на малое время замерла, подозрительно озираясь. Кинула вниз мимолетный затравленный взгляд: не

заметил ли кто ее побега? Но пустынна была Аравийская земля, лишь я, случайный поздний прохожий, замедлил шаг, остановился, замер в восхищении, встретившись глазами с ночным светилом. Неприязненный, злобный желтый свет ослепил на секунду, но тотчас же и потух. Сразу же отвернулась Луна: эка мелочь пузатая! такого опасаться нечего...

Ринулась дерзкая беглянка дальше нетореным своим небесным путем, да так ходко, что черная чадра, легкая, вытканная из тончайшего струящегося шелка, сбилась с головы. И пусть не все небесное тело обнажилось, но и того, что открылось нескромному взору, более чем достаточно, чтобы отвести глаза. Даже я, пришлый гяур, странствующий сказитель, сколь ни жаден до сокровенных красот божьего мира, смутился, узрев неприкрытой лунную плоть. Эта запретная возвышенно-желанная нагота лишь для избранного, я же, случайно забредший на женскую половину мироздания, не избранник, но преступник по местным адатам.

Да не только я, думаю, расползедный распутник, увидев сияющий наготой торс Луны, потупил бы глаза, ибо в душе его трепет перед неземной красотой сдержал бы похоть... А хороша она была, эта отчаянная красавица, что, словно бы захмелев от собственной манкости, от собственной смелости, шатается ночью по небу одна. Дивно как хороша! Золотистая девическая кожа столь целомудренно-холодна, что остудит любое мечтание о плотской неге. Зато все округлости выставлены с тем коварством, на которое способна лишь утонченная развратница, неумоно распалившая свое воображение сладострастница, которую долго мучили вынужденным воздержанием, а затем вдруг ввели в общество пылких юношей.

Куда же так спешила Луна, пролетавшая за десять минут расстояние, равное трем ее диаметрам, а за час — четверть небосклона, доступного человеческому глазу? Бежала на свидание к юному возлюбленному, пока спит старый муж? Торопилась в лавку пройдохи-торговца, посулившего ей роскошный литой браслет в обмен на истертую старомодную лампу, по слухам, принадлежавшую некогда какому-то Аладдину, а теперь без пользы пылящуюся в сундуке седого забывчивого отца?.. Кто знает!

Кто поймет луноликую красавицу, которую смятение чувств толкнуло ночью без спутника за спасительный порог? Не постигнет женскую душу мудрец, знающий наперечет все звезды и указующий правоверным, в какую сторону необозримого горизонта следует обратиться, совершая намаз. Не разберет женскую душу мореход, легко читающий старые карты и уверенно ведущий свое судно к неведомым берегам. Не уразумет душу женщины воин, приводящий к покорности народы и царства. Не разгадал женскую душу и поэт, поведавший нам о «владычице благородных», пленнице рогатого джинна, украсившей свое ожерелье пятьюстами семьюдесятью перстнями и прибавившей к ним еще два.

Никто не сумеет укротить восточную женщину. Нет на нее управы. Нет с нею сладу. Только смерть в силах остановить женщину, решившуюся на что-то. И, наверное, она ниспослана на землю как предвестница смерти, а смерти доверено хранить женские секреты. Наверное, так...

О, Луна, Луна! Теперь все увидели непокрытой твою голову и незакрытым твоё лицо! Перед всем светом ты опозорилась. Хватит ли у тебя духу завтрашним вечером показаться людям на глаза? Доживешь ли ты до завтрашнего вечера?..